

Памяти отца Сергія

Только смерть завершает личность, — не тѣмъ однимъ, что пресѣкаетъ цѣпь ея измѣненій, но и тѣмъ, что впервые замыкаетъ ее въ твердыя границы, отводя внутри нихъ окончательное мѣсто каждому ея поступку, каждой ея чертѣ. Пока мы живы, не только наше будущее неизвѣстно; неизвѣстенъ и точный смыслъ нашего прошлаго, опредѣляющійся все больше съ каждымъ годомъ, но лишь смертью опредѣляемый вполне. Истолкованія, оцѣнки и далѣе будутъ мѣняться; чѣмъ крупнѣе была личность, тѣмъ обширнѣй поле этихъ перемѣнъ; но сама она за нихъ уже не отвѣчаетъ: отнынѣ она навсегда замкнута въ себѣ. Этотъ законченный обликъ — даръ смерти. Надлежитъ принять его съ благодарностью. Только пусть благодарятъ за него потомки; вѣдь для насъ онъ совсѣмъ не то, что живой человѣкъ. Живого друга мы такимъ не знали. И чѣмъ дороже онъ намъ былъ, тѣмъ труднѣй намъ перейти отъ ощущенія его жизни къ созерцанію посмертнаго его образа. Совершить такой переходъ, это значить разстаться съ нимъ во второй разъ, довести до конца, въ самомъ себѣ, начатое смертью разставанье.

Конечно, тотъ, кого мы знали, съ самаго начала былъ личностью для насъ, именно личность въ немъ мы и любили, но если были минуты, когда намъ казалось, что въ какомъ-нибудь одномъ словѣ, одномъ случайно угаданномъ внутреннемъ движеніи, она вся открывалась намъ, это и показываетъ, что границы ея все-же оставались плавкими, текучими: оттого-то мы и могли съ ней соприкоснуться. Если бы личность замыкалась полностью при жизни, никакое настоящее общеніе между людьми не было бы мыслимо. Что я могу дать другому, что получить отъ него, если ни онъ, ни я уже ни въ чемъ не можемъ измѣниться? Больше того: если онъ — только онъ, если я — только я, почему же я чувствую, хотя его уже нѣтъ, что въ какой-то малой долѣ нашихъ существъ онъ не разлученъ и даже не различимъ со мною? Чтобы увидѣть другого вполне законченнымъ, вполне отдѣльнымъ, намъ надо его душу оторвать отъ нашей собственной души.

На это нужна немалая рѣшимость. Сознаюсъ, я ее въ себѣ не нахожу. Говоря объ о. Сергіи, я не буду пытаться увидеть его и показать его другимъ въ той цѣльности, которая ему теперь присуща, и тѣмъ содѣйствовать застыванію его образа, превращенію его въ то, чѣмъ онъ неизбѣжно станетъ для потомства. Извиненіемъ мнѣ послужить то, что я не философъ и не богословъ, что свидѣтелемъ жизни о. Сергія я былъ не очень давнимъ и не очень близкимъ. Если бы я и хотѣлъ, я все равно не могъ бы сказать о немъ ничего полновѣснаго,

рѣшающаго, ничего достойнаго того величія его духа, которое я ощутилъ при первой же встрѣчѣ съ нимъ и которое съ тѣхъ поръ ощущать не пересталъ.

Скажу лишь нѣсколько словъ о томъ, что онъ писалъ, и еще меньше словъ о немъ самомъ — не для тѣхъ, кто его зналъ лучше меня и кому его книги хорошо знакомы, а для другихъ, для тѣхъ, кому въ этихъ книгахъ предстоитъ повстрѣчаться съ нимъ.

За отсутствіемъ Россіи, очень трудно въ правильной перспективѣ увидѣть то, что сдѣлано русскими людьми въ области литературы, искусства, мысли, съ тѣхъ поръ, какъ она отсутствуетъ. Въмѣсто Россіи, есть для насъ эмиграція, а въ эмиграціи значительное и ничего не значущее такъ приблизилось одно къ другому, что разстояніе между ними свелось почти или совсѣмъ на-нѣтъ. Благодаря обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, въ нормальной жизни народовъ неизвѣстнымъ, пустяковое выдвинулось, а важное затерялось, ничтожному удалось пошумѣть, а то, что въ первую очередь надлежало услышать, осталось неслышаннымъ. Труды о. Сергія, поскольку они стали извѣстны въ переводѣ, были на Западѣ оцѣнены соотвѣтственно ихъ значенію, но въ русскомъ разсѣяніи, за предѣлами того, что называютъ «церковными кругами» (и то въ очень небольшой ихъ части) одинъ изъ величайшихъ русскихъ мыслителей представлялся и продолжаетъ представляться какимъ-то начетчикомъ, книжнымъ человѣкомъ, писавшимъ неудобочитаемые трактаты, людямъ даже и весьма образованнымъ непонятные, а людямъ вѣрующимъ (такъ добавляют уже въ церковныхъ кругахъ) къ тому же и опасные, ибо заподозрѣнные въ лжеученіяхъ, и еще сильнѣй подозрѣваемые въ ученіяхъ, хоть и не ложныхъ, но лишнихъ, способныхъ навести неизвѣстно на какія мысли, и знакомиться съ которыми никому надобности нѣтъ. Особенно неблагополучнымъ считается самое слово софіологія, внушающее нѣкій суевѣрный ужасъ тѣмъ, — а ихъ къ сожалѣнію много, — кто неспособенъ понять, что обозначаетъ оно ученіе о божественной первоосновѣ міра и человѣка, ученіе, внѣ котораго, какъ бы его ни называть, христіанская мысль не можетъ построить ни космологіи, ни антропологіи, ни философіи исторіи, ни философіи культуры. Слово Софія пріобрѣтаетъ, правда, весьма фантастическій смыслъ у нѣкоторыхъ гностиковъ, но запрещать пользоваться имъ на этомъ основаніи — все равно, что отвергать слово матерія, потому что его примѣняютъ материалисты; и это значитъ также забывать, что существуетъ гнозисъ, ведущій не къ заблужденію, а къ истинѣ. Что бы ни думать о догматической обоснованности софіологіи о. Сергія, нужно разъ навсегда назвать простой неграмотностью мнѣніе, что самые вопросы, разсматриваемые въ ней, не представляютъ интереса для христіанской мысли. Для всякой мысли, а для христіанской по преимуществу, эти вопросы принадлежать къ самымъ основнымъ.

Но, разумѣется, этими вопросами отнюдь не ограничивалось фи-

философское и богословское творчество о. Сергія, хотя все оно и было проникнуто единой интуиціей о пронизанности божественнымъ бытіемъ самой ткани бытія земного. (Бергсонъ замѣтилъ однажды, что у каждаго подлиннаго мыслителя есть такое центральное прозрѣніе, изъ котораго вырастаетъ вся совокупность его мыслей, и надъ формулировкой котораго ему суждено трудиться цѣлую жизнь). Такъ, напримѣръ, вовсе еще не дошло, какъ будто, до всеобщаго сознанія, что въ статьѣ о «Евхаристическомъ догматѣ», напечатанной въ двухъ номерахъ журнала «Путь» (и къ которой существуетъ еще неизданное дополненіе), изложено впервые то ученіе о преложеніи даровъ, которое православіе можетъ противопоставить всему огромному богатству мыслей на эту тему, выраженныхъ въ западномъ богословіи среднихъ вѣковъ, Реформациі и новаго времени, и что одной этой работы было бы достаточно, чтобы поставить о. Сергія едва-ли не на первое мѣсто среди всѣхъ современныхъ богослововъ, любого вѣроисповѣданія. Всякая работа мысли должна оцѣниваться прежде всего въ зависимости отъ того, дѣйствительно-ли совершила въ ней мысль какую-либо подлинную работу. Видимость бываетъ обманчива. Дѣло часто ограничивается оказательствомъ знаній, пересказомъ чужого, переносомъ готовыхъ формулъ съ одного матеріала на другой, внѣшнимъ складываньемъ и вычитаньемъ, словесными приспособленіями и поправками. Настоящей работы мысли во всемъ этомъ нѣтъ. У о. Сергія она есть всегда. Въ любой мелочи, напечатанной имъ, слышится ея отзвукъ, и она звучала неизмѣнно въ живыхъ его рѣчахъ. Это вѣчное внутреннее кипѣніе, какой бессонницей награждало оно его подчасъ! Но зато какимъ ключомъ боды живой оно насъ поить во всемъ томъ множествѣ страницъ, которыя отъ него остались! Какая творческая свѣжесть въ «Философіи хозяйства», в «Свѣтѣ невечернемъ» (особенно въ натурфилософскихъ главахъ этой книги); какъ свѣтло и умно, какъ никогда не тускло и не вяло все что онъ писалъ до послѣднихъ своихъ дней! Читая его, вспоминаешь, что мысль и есть самая жизнь духа и что поддѣлка мысли такъ же отличается отъ подлиннаго ея движенія, какъ прорись отъ рисунка. Калькой о. Сергій не пользовался никогда. Лѣнью онъ тоже не отличался. Для того, чтобы написать его три тома о Богочеловѣчествѣ, надо было продумать заново большинство философскихъ системъ и всѣ основныя богословскія мысли Запада и Востока. Это былъ трудъ его жизни, и этотъ трудъ онъ совершилъ. Будущему, и какъ разъ русскому будущему, онъ завѣщалъ огромное и живое богатство. Если оно останется неиспользованнымъ, это не его вина. Судьба его книгъ зависитъ отъ судьбы самой Россіи.

Мыслитель въ о. Сергій былъ сильнѣе, чѣмъ писатель. Для людей, склонныхъ ко всякой книгѣ подходить, какъ къ литературному произведенію (а я къ нимъ, хоть о томъ и жалѣю, принадлежу), въ его писаніяхъ есть немалые недостатки. Не то, чтобы художественное начало въ нихъ отсутствовало (въ этомъ было бы и трудно для произведеній мысли усматривать недостатокъ); напротивъ, присутствіе этого начала очень замѣтно, но художественность эта не всегда безупречна по качеству. Слогу о. Сергія свойственъ лиризмъ, образность, эмоциональ-

ность синтаксических движений и оборотов. И вот образы эти немного безличны, фраза от взволнованности становится нѣсколько рыхла, и весь этотъ лиризмъ слишкомъ щедръ: отъ большей сдержанности выражений выразительность только бы выиграла. О. Сергій несомнѣнно обладалъ писательскимъ талантомъ, который чаще всего проявляется тамъ, гдѣ мысль всего насыщеннѣй или чувство всего интимнѣй, — какъ въ первой главѣ незаконченной автобіографіи, которую можно было бы включить въ антологию русской прозы. Тамъ, гдѣ мысль и чувство, какъ всего чаще случается у него, идутъ рука объ руку, это содружество ихъ не получаетъ того выраженія, которое, казалось бы, такъ вытекаетъ изъ него и которое могло бы быть такимъ прекраснымъ. Всегда мнѣ хотѣлось, чтобы о. Сергій суровѣй относился къ эпитетамъ и осторожнѣе ко всѣмъ «красотамъ», чтобы онъ отвергъ ту украшенность слога, которая въ началѣ вѣка была у насъ въ ходу и считалась красотой. Мнѣ всегда этого хотѣлось, я жалѣю и сейчасъ, что онъ писалъ такъ, какъ онъ писалъ, а все-таки чѣмъ больше я вчитывался въ его книги, тѣмъ чаще стало представляться мнѣ, что эта красивость, которую я порицалъ, что всѣ эти недостатки стиля неразрывно были связаны у него съ высокимъ строемъ его души, проистекали изъ того, что меня всего сильнѣе въ немъ плѣняло. Эта манера писать, этотъ немного цвѣтистый языкъ, они были не тѣломъ, но одеждой его мысли, ея привычнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ воскреснымъ, праздничнымъ, радостнымъ ея нарядомъ. Зачѣмъ же, изъ какого тщеславія, изъ какой гордыни, и въ угоду кому сталъ бы онъ его мѣнять? Мы склонны представлять себѣ фарисея въ богатой одеждѣ, а мытаря въ бѣдной; но фарисей въ черномъ и бѣломъ, онъ корректенъ, казаться наряднымъ онъ не хочетъ, и съ презрѣніемъ глядитъ онъ въ церкви воскреснымъ утромъ на пріодѣвшихся въ свои лучшія платья прихожанъ. Слогъ о. Сергія наряденъ изъ скромности, и есть кротость, есть смиреніе въ томъ, какъ глубокая его искренность, чуждая всякой задней мысли, всякой ироніи, приводятъ къ этой беззащитности лиризма. Книга лучшаго его друга, «Столп и утверженіе истины», написана языкомъ стилизованнымъ, очень сознательно отдѣланнымъ и неживымъ: слишкомъ ужъ нарочито благолѣпнымъ. Въ «Свѣтѣ не вечернемъ», напротивъ, есть беспорядочная восторженность, почти въ духѣ Димитрія Карамазова (Иванъ Ѳедоровичъ, если бы принялъ постригъ, написалъ бы скорѣе нѣчто похожее на «Столпъ»); трактатъ сбивается порой на исповѣдь горячаго сердца, зато и самая мысль трактата такъ не книжна, такъ сердечна и горяча. Въ огнѣ этой мысли сгораетъ несовершенная ея одежда, и если мы еще вспомнимъ объ этомъ несовершенствѣ, то лишь для того, чтобы сказать себѣ, что его не могло не быть, что оно оправдано изнутри цѣлостнымъ величіемъ челоуѣка. Какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, такъ никакой его чертой уже не хочешь и не можешь поступиться.

Сергія Николаевича Булгакова я совсѣмъ не зналъ (и кажется случилось мнѣ разъ обидѣть немножко о. Сергія: глядя на снимокъ съ

картины Нестерова, гдѣ онъ изображенъ вмѣстѣ съ о. Павломъ Флоренскимъ, я сказалъ, что могъ бы его тамъ принять за кого-нибудь вродѣ московскаго городского головы). Да моего отъѣзда изъ Россіи я прочелъ только «Тихія думы» и книгу эту оцѣнилъ, но не больше чѣмъ, напри- мѣръ, «Борозды и межи» Вячеслава Иванова. Въ Парижѣ, до самой съ нимъ встрѣчи, я никакой другой его книги не прочелъ. Живя одно время неподалеку отъ Сергіевскаго Подворья я (очень, впрочемъ, изрѣдка) тамъ бывалъ. Пасхальную утреню служилъ о. Сергій во дворѣ подъ открытымъ небомъ съ волненіемъ заразительнымъ и всѣхъ кругомъ заражавшимъ. Возгласъ о воскресеніи Христа повторялъ онъ на всѣхъ языкахъ, какіе зналъ. Я похристосовался съ нимъ, прислушался къ тому, какъ онъ читалъ слово приписываемое Іоанну Златоусту и, уходя, подумалъ, что и въ самомъ дѣлѣ должно быть (какъ я о томъ слышалъ), о. Сергій Булгаковъ священникъ и человекъ совсѣмъ не заурядный. Такъ я подумалъ, угадалъ же я нѣчто гораздо большее; только угад- камъ, какъ водится, не сразу вѣришь. Весной 1932 года начало скла- дываться у меня нѣкоторое мнѣніе объ о. Сергіи, но зародилось во мнѣ и нѣчто, что ни съ какими мнѣніями не соизмѣримо.

Однако, скоро произошла и настоящая встрѣча: ранней осенью того же года на сѣздѣ Лиги Православной Культуры, куда я поѣхалъ по совѣту Г. П. Федотова (вскорѣ послѣ чего я былъ приглашенъ читать лекціи въ Богословскомъ Институтѣ). За нѣсколько дней сѣзда о. Сергій сталъ для меня тѣмъ, чѣмъ остался до конца, чѣмъ остается и по сей день. Началось мое любованіе имъ, которое его смерть не прервала, а только перенесла въ воображеніе и память, и которому я надѣюсь остаться вѣренъ до моей смерти. Въ эти послѣдніе двѣнадцать лѣтъ его жизни видѣлъ я о. Сергія довольно часто, хоть и не очень часто, — и какъ я всегда былъ радъ самой мимолетной встрѣчѣ съ нимъ! Какъ постоянно радовала меня мысль, что я могу пойти к нему и его увидѣть! Были въ этомъ общеніи особо запечатлѣвшіеся дни и минуты: бесѣда передъ тѣмъ, какъ впервые послѣ многихъ лѣтъ я причастился Святыхъ Даровъ изъ его рукъ; рассказъ его, при помощи листочковъ и карандаша, послѣ операціи горла, когда онъ не могъ говорить, объ опытѣ смерти, испытанномъ имъ въ тѣ дни; пріѣздъ мой къ нему въ іюнь 1940 года, послѣ того, какъ нѣмецкая армія вступила въ Парижъ, а я хотѣлъ, было, уѣхать, и не уѣхалъ; послѣдній его Духовъ день, когда онъ далъ мнѣ понять, что умереть, и такой мягкой свѣтъ былъ въ его большихъ темныхъ чудныхъ живыхъ глазахъ, — а ночью онъ вступилъ въ долгое свое умиранье. Но хоть минуты эти и были мнѣ еще дороже другихъ, я могъ бы ихъ не упоминать. Отношеніе мое къ о. Сергію исторіи не имѣло, а вѣдь только объ отношеніи этомъ я и взялся свидѣтельствовать здѣсь, не потому, чтобы я хотѣлъ говорить о себѣ, а потому, что многіе любили его не меньше меня: ключъ къ нашей любви не въ насъ, а въ немъ. На сѣздахъ въ Англіи, на многихъ другихъ собраніяхъ и сѣздахъ, на Сергіевскомъ Подворьѣ, послѣ раннихъ обѣденъ, за его столомъ, слушая его рѣчь, слѣдя за его службой и молитвой, бесѣдуя съ нимъ на людяхъ или наединѣ, всегда я любовался имъ и все чаще я думалъ: именно за него,

за такого человека, какъ онъ, можно и должно — и главное какъ хорошо было бы — отдать жизнь. Разумѣется, это осталось мечтой, и какой легкомысленной къ тому же! Не только жизнью, но ровно ничѣмъ не довелось мнѣ пожертвовать для него. А если бы дѣло дошло до жизни, то какъ же я могу быть увѣренъ, что не струсиль бы въ самую нужную минуту, да еще не искалъ бы спасенья именно за его спиной? Однако, все же что-нибудь да значила эта мечта. Эта мысль, какъ мысль, сохраняетъ вѣдь все же свою силу. Ни о комъ, никогда такъ настойчиво не являлась она мнѣ. Такъ почему же? Что же мнѣ казалось въ немъ такимъ драгоценнымъ? Отчего изъ лучшаго, что во мнѣ было, все рождалась вновь и вновь все та же мысль?

О. Сергій былъ всегда со мной добръ и милъ. Онъ оказалъ мнѣ много участія и заботы. Онъ былъ моимъ духовнымъ отцомъ. Я очень многимъ ему обязанъ. Но если я чувствовалъ къ нему благодарность, то скорѣй не за его дары, а за самое его бытіе, за то, что онъ такой, а не другой. Это значить, что восхищеніе во мнѣ было еще сильнѣй, чѣмъ благодарность. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти двѣнадцать лѣтъ я восхищался имъ. Та мечта моя не изъ благодарности, а изъ восхищенія рождалась. Но чѣмъ же я восхищался? Его энергіей, трудоспособностью, широтой его ума, богатствомъ его любопытствъ и интересовъ (когда онъ «для отдыха» бралъ у меня почитать стихи Эліота или джойсовскаго «Улисса»), свѣжестью его чувствъ, его воспримчивостью, душевной молодостью (когда я водилъ его смотрѣть Рембрандта въ Луврѣ или гулялъ съ нимъ по заламъ лондонской національной галлерей), его постояннымъ бодрствованіемъ, духовнымъ подъемомъ, врожденной высотой всего его нравственнаго существа, его благородствомъ, его зоркостью, недоступной мнѣ силой его мысли и его вѣры, всей той царственностью духа, которую я ни въ комъ не видалъ воплощенной такъ, какъ въ немъ. Но вотъ я все это перечислилъ, и перечисленіе кажется мнѣ бѣднымъ и тщетнымъ. Нѣтъ, это не совсѣмъ то. Я въ немъ любилъ его самого, внѣ всякихъ опредѣленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ я любилъ что-то, что какъ бы сіяло мнѣ сквозь него. Какъ тѣ человѣческія творенія, что были дороги ему и мнѣ, чѣмъ совершеннѣе, чѣмъ выше бываютъ, тѣмъ прозрачнѣй, такъ и сами люди, такъ и онъ. Что-то трепещетъ и свѣтлѣетъ за мраморомъ и полотномъ, что-то проникаетъ насквозь земную человѣческую душу. Всѣ краски и формы, всѣ слова и качества истлѣваютъ, остается то, что мы любимъ и любили, то одно, что не больно любить: ИЗЛУЧЕНІЕ ДОБРА.

В. Вейдле.